

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х19

Cara Hunter
ALL THE RAGE

Copyright © Cara Hunter, 2020

Хантер, Кара.

X19 Вся ярость / Кара Хантер ; [перевод с английского С. М. Саксина]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с. — (Национальный бестселлер Британии).

ISBN 978-5-04-112748-0

«Еще одна дура-студентка, — подумал водитель такси, — на-лакалась дешевого сидра и бредет среди ночи домой». Но за-тем он увидел ее лицо...

Фейт Эпплфорд похитили, надели на голову пластиковый пакет, связали руки проволокой и увезли в уединенное место. Чудом ей удалось спастись. Полицейская команда инспектора Адама Фаули сразу понимает — девушка знает, кто напал на нее. Однако та настаивает: «Просто розыгрыш зашел слишком далеко». И отказывается выдвигать обвинения. Но вскоре детек-тивы убеждаются, что она скрывает гораздо больше. Оказыва-ется, Фейт — вовсе не Фейт...

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112748-0

*Посвящается
моему брату Марку*

ПРОЛОГ

Ночь такая теплая, что окно у нее открыто; тюлевые занавески лениво трепещут от едва ощутимого дуновения летнего зноя. В квартире горит свет, но только в гостиной: вот откуда он узнал, что она одна. И еще играет музыка. Негромко, но он совсем рядом и потому слышит ее. Сначала это его пугало — то, что он может выдать себя, если подойдет слишком близко. Но теперь он спокоен: даже в светлое время суток повсюду стоят такие фургоны, как у него. Их перестали замечать. Даже люди наблюдательные. Такие, как она.

Он еще чуточку открывает окно. Должно быть, она собирается куда-то идти, потому что музыка быстрая, энергичная, бодрая, а не тот ленивый джаз, который она обыкновенно предпочитает. Он закрывает глаза, стараясь представить себе, что она собирается надеть, что она как раз сейчас натягивает на свою кожу — еще влажную после душа, который, как он слышал, только что приняла. Не черное платье с бисером, такое облегающее, что он может мысленно представить себе все изгибы ее тела: если б она собиралась поужинать со своим никчемным дружкой, то не стала бы слушать такую мусорную музыку. И не со своими родителями: если б те приехали в Оксфорд, он увидел бы их машину. Нет, этот вечер она собирается провести с подругами. Из чего следует, что она выберет что-нибудь менее откровенное — что-нибудь

сдержанное, вежливо намекающее на недоступность. Возможно, синее, с широкими рукавами. Из ткани, которую называют газом. Раньше он этого не знал. Красивое платье. Нейтральное. И одно из ее любимых.

Ничего этого она ему не говорила. Он сам все узнал. И сделать это оказалось совсем нетрудно. Достаточно только наблюдать. Наблюдать, ждать и делать выводы. Иногда достаточно всего нескольких дней, однако такие случаи редко приносят удовлетворение. Это же дело тянется больше трех недель, но он любит, когда все развивается медленно. И что-то подсказывает ему, что она будет того стоить. Как утверждается в рекламе шампуня, которым она пользуется. И в любом случае он убедился на собственном опыте, что торопить такие вещи нельзя. Именно тогда совершаются ошибки. Именно тогда все идет наперекосяк.

Кто-то идет. Он слышит стук каблуков по асфальту. Шпильки. Хихиканье. Он чуть перемещается, чтобы лучше видеть, и пластик сиденья скрипит под ним. На противоположной стороне улицы показываются две девицы. В этой парочке нет ничего сдержанного, это уж точно. Платья с блестками, ярко покрашенные губы, ковыляют на высоченных шпильках, словно шлюхи; дурочки уже здорово навеселе. Раньше он их не видел, но это точно ее подружки, потому что они останавливаются перед ее домом и начинают рыться в сумочках. Одна достает что-то и торжествующе размахивает этим, громко заявляя: «Вот она!» Яркая розовая лента, на которой написано что-то блестящими буквами, но он не может прочитать что. Впрочем, это ему и не нужно. Он прищуривается — такое дерьмо он уже видел. Это девичник. Долбаный *девичник!* С каких это пор ее интересует подобная дрянь? Девицы нагнулись друг к другу, и в их смехе и перешептываниях есть что-то такое, от чего у него по спине пробегают мурашки беспокойства. Господи, это не *ее* де-

вичник! Этого не может быть... он обязательно знал бы... у нее даже нет кольца... он бы увидел...

Он подается вперед, стараясь рассмотреть получше. Одна из девиц жмет на кнопку звонка так долго, что наверху распаивается окно.

— Обязательно нужно *так* шуметь?

Она пытается выразить недовольство, однако в ее голосе звучит смех. Она свешивается в окно, и прядь длинных темных волос спадает на плечо. Волосы еще влажные после душа. У него пересыхает в горле.

Одна из девиц смотрит вверх и торжествующе вскидывает руки. В одной она держит пластмассовую корону, а в другой — розовый пояс.

— Эй! Смотри, что у нас есть!

Девушка в окне качает головой.

— Хло, ты же обещала — абсолютно *никаких* тряпок и *никаких* диадем!

Две девицы внизу заливаются хохотом.

— Вообще-то этот *чрезвычайно* изысканный декоративный головной убор мой, а не твой, — слегка заплетаящимся языком говорит вторая девица. — А для *тебя* у нас вот *эта* штучка...

Она роется в сумочке и достает что-то, и когда на это падает свет фонаря, он получает возможность хорошенько рассмотреть: ярко-розовая заколка для волос с выложенным блестками словом «ЗАНЯТА».

Девушка в окне снова качает головой.

— Ну чем я провинилась, что заслужила таких подруг, а?

Она ныряет в комнату, слышится жужжание домофона, и две девицы вваливаются в дом, продолжая хихикать.

Мужчина открывает бардачок. Этой сучке повезло, что он не займется ею прямо здесь и сейчас, — это положило бы конец их мерзкой бабской вечеринке. Но он этого не сделает. Ему нужно приятное возбуждение ожи-

КАРА ХАНТЕР

дания — он хочет этого даже сейчас. Утонченное предвкушение, где важна каждая мелочь: как от нее будет пахнуть, какая она будет на вкус, какие у нее будут волосы... А также сознание того, что он может получить все это, когда пожелает, — и единственное, что его останавливает, это собственная сдержанность...

Он сидит какое-то время, сжимая и разжимая кулаки, позволяя своему сердцу замедлить ход. Затем вставляет ключ в замок зажигания и заводит двигатель.

Будильник звонит в семь, но Фейт Эпплфорд вот уже час как встала. Прическа, одежда, туфли, косметика — все это требует времени. В настоящий момент она сидит перед зеркалом, накладывает последние штрихи туши, подводя брови. Слышит, как мать окликает из кухни:

— Надин, ты еще валяешься в кровати? Если хочешь, чтобы тебя подвезли, ты должна через десять минут спуститься вниз.

Из соседней комнаты доносится недовольный стон, и Фейт мысленно представляет себе, как сестра переворачивается на другой бок и накрывает голову подушкой. Постоянно одно и то же, по утрам Надин просто безнадёжна. В отличие от Фейт. Та всегда готова заблаговременно. Всегда полностью собрана.

Фейт снова поворачивается к зеркалу и крутит головой вправо и влево, проверяя углы, подергивая прядь волос, поправляя ворот свитера. Красивая. И это не просто показная красота. Она действительно красивая. Очень красивая.

Фейт поднимается на ноги и выбирает сумочку из нескольких висящих на двери. Замшевую. Ну, на самом деле это не настоящая замша, но нужно присмотреться очень внимательно, чтобы это разглядеть. Зато цвет — как раз то что надо, особенно вместе с этим жакетом. Идеальный оттенок синего.

* * *

Адам Фаули

1 апреля 2018 года

09:15

— Нормально? Не холодно?

Я почувствовал, как Алекс вздрогнула, когда прибор прикоснулся к ее коже, однако она поспешно качает головой и улыбается.

— Нет, все в порядке.

Медсестра отворачивается к монитору и стучит по клавиатуре. В палате все приглушено. Свет неяркий, звук глухой, словно под водой. Вокруг бурлит своей жизнью больница, однако здесь, прямо сейчас, время замедлилось до сердцебиения.

— Ну, вот и готово, — наконец говорит медсестра и с улыбкой разворачивает монитор к нам.

Изображение на экране оживает. Головка, носик, крошечный кулачок, поднятый словно в приветствии. Движение. *Жизнь*. Алекс сжимает мне руку, однако ее взгляд прикован к ребенку.

— Вы видите это впервые, мистер Фаули, да? — продолжает медсестра. — По-моему, во время первого осмотра вас здесь не было...

Несмотря на жизнерадостный тон, в ее голосе сквозит осуждение.

— Понимаете, Адам тут ни при чем, — спешит вмешаться Алекс. — Это я... я страшно боялась, вдруг случится что-то неладное... не хотела взглянуть...

Я крепче сжимаю ей руку. Мы это уже обсудили. Почему Алекс ничего мне не сказала, почему не могла даже жить со мной до тех пор, пока не узнала точно. Пока не узнала наверняка.

— Все в порядке, — говорю. — Главное — то, что сейчас я здесь. И у ребенка все отлично.

— Ну, сердечко стучит ровно, сильно, — говорит медсестра, снова стуча по клавиатуре. — Развивается малыш нормально, сейчас он именно такой, каким и должен быть на двадцать второй неделе. Я не вижу никаких причин для беспокойства.

Ловлю себя на том, что выдыхаю, — я даже не заметил, что перестал дышать. Мы — родители в возрасте, мы прочитали все брошюры, сдали все тесты, и все-таки...

— Вы абсолютно уверены? — спрашивает Алекс. — Потому что я совсем не хочу, чтобы со мной случился амнио...

Медсестра снова улыбается, тепло, искренне.

— Все в полном порядке, миссис Фаули. Вам не о чем беспокоиться.

Алекс поворачивается ко мне со слезами на глазах.

— Все хорошо, — шепчет она. — Все будет хорошо.

На экране ребенок внезапно кувыркается — крошечный дельфин, резвящийся в серебристой темноте.

— Итак, — говорит медсестра, снова беря прибор, — вы хотите узнать пол?

* * *

Фиона Блейк ставит перед дочерью тарелку с хлопьями, но Саша ничего не замечает. Она не отрывает взгляда от телефона с тех самых пор, как спустилась вниз, и Фиона едва сдерживается, чтобы не высказаться. В этом доме не принято приходить в обеденный зал с телефоном. Не потому, что Фиона так приказала; они договорились, мать и дочь, что так делать не надо. Фиона отворачивается, чтобы налить в чайник воды, но когда возвращается к столу, Саша по-прежнему таращится на этот чертов экран.

— Неприятности? — спрашивает Фиона, стараясь скрыть в своем голосе раздражение.

Саша отрывается от телефона и качает головой.

— Извини, просто Пэтс сказала, что сегодня не пойдет в школу. Ее выворачивало всю ночь.

Фиона строит гримасу.

— Зимняя рвота¹?

Саша кивает, затем отодвигает телефон.

— Похоже на то. Вроде ей совсем плохо.

Фиона придирчиво рассматривает дочь: у Саши горят глаза, щеки слегка покраснелись. Если задуматься, она такая уже целую неделю.

— Саша, ты хорошо себя чувствуешь? Выглядишь так, словно у тебя температура.

Она удивленно раскрывает глаза.

— У меня? Я себя чувствую хорошо. Честное слово, мам, я в полном порядке. И умираю от голода.

Саша улыбается матери и тянется за ложкой.

* * *

В дежурной комнате полицейского участка Сент-Олдейт констебль Энтони Асанти пытается улыбнуться. Выражение лица сержанта Гислингхэма позволяет предположить, что получается это у него не очень хорошо. И дело не в том, что Асанти лишен чувства юмора, просто юмор его не из серии кремовых тортов и банановой кожуры. Вот почему ему никак не удастся найти что-либо смешное в перевернутом вверх дном стакане с водой у себя на столе. И еще он злится на себя за то, что забыл, какой сегодня день, и почему, черт возьми, не проявил должной осторожности. Ему следовало бы разглядеть нечто подобное за целую милю: самый молодой член команды, только что закончил уче-

¹ Вирусная инфекция, более известная в России как желудочный, или кишечный, грипп.

бу, прямиком из Мет¹. С таким же успехом он мог бы написать большими буквами у себя на лбу: «Мишень для шуток». И вот теперь все стоят вокруг, смотрят на него и ждут, как он себя поведет, покажет, что он «парень что надо» или же просто «так себе» (как считает констебль Куинн, судя по презрительной усмешке, которую тот даже не пытается скрыть, хотя Асанти так и подмывает спросить, чью роль, горшка или котла, играет в этом сам Куинн²). Собравшись с духом, Асанти растягивает улыбку чуть шире. В конце концов, могло быть и хуже. Один придурок в первый день службы Асанти в Брикстоне оставил у него на столе связку бананов.

— Так, ребята, — говорит Энтони, обводя помещение взглядом, в котором, как он надеется, в должной пропорции сочетаются мрачная ирония и «все это я уже видел», — очень забавно.

Гислингхэм сияет, испытывая нескрываемое облегчение. В конце концов, шутка есть шутка, а в этом ремесле нужно принимать шутки и самому подкалывать своих товарищей, но все-таки он еще не вполне освоился со своим новым положением, обусловленным сержантскими лычками, и не хочет, чтобы его видели насмехающимся над кем бы то ни было. И в первую очередь над единственным чернокожим членом команды. Гислингхэм треплет Асанти по плечу со словами: «Молодец, Тони», после чего решает, что ему, пожалуй, лучше на этом закончить, и направляется к кофеварке.

¹ Столичная полиция (*англ.* Metropolitan Police), отвечающая за территорию Большого Лондона, кроме района Сити.

² Имеется в виду английская пословица «Горшок над котлом смеется, а оба черны»; русские эквиваленты «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала» или «В чужом глазу соринку заметно, в своем — бревна не видать».